

Принц Чу, неловко сжимая в руках грелку, растерянно огляделся по сторонам:

— Шу-лан, быть может, сыграешь на цине?

Цзин Юньшу покачал головой:

— Не стану скрывать, Ваше Высочество, человек я простой. Ни слагать стихи, ни играть на цине не умею. Признаться, поначалу я даже не хотел принимать ваше приглашение, решив, что лишь зря переведу чай и испорчу вам весь праздник.

Принц Чу опустился на кушетку.

— Ни... ничего страшного, — поспешно возразил он. — Я ведь тоже во всем этом не смыслю. Вот, в одиночестве уже два чайника осушил.

Это было сказано с такой обезоруживающей искренностью, что Цзин Юньшу невольно улыбнулся. Окинув взглядом комнату, он заметил разложенную доску.

— А что это там за игра? Может, сыграем партию?

Ду Хэн принес доску и пояснил:

— Военные шахматы.

— Я только вчера обучился правилам, — признался У Чэнсюань.

Эту игру в Янчжоу привез сам Цзин Юньшу. В детстве его учил дед, но, повзрослев, он почти не садился за доску.

— Вот и славно, — улыбнулся он. — Я тоже далеко не мастер.

На самом деле игра была привычным прообразом современных военных шахмат с делением на дивизии, полки, роты и саперов, разве что пороховые снаряды Цзин Юньшу предусмотрительно заменил на «ловушки». Чтобы избежать лишних расспросов и подозрений со стороны властей, он выдал эту забаву за иноземную диковинку, пришедшую с далекого Запада. В конце концов, ко всему заграничному чиновники всегда относились куда снисходительнее, нежели к новшествам собственного народа.

С этими словами Цзин Юньшу устроился на кушетке, укрыл ноги теплым одеялом, и они принялись расставлять фигуры. Вскоре вернулся наставник Шэнь Сунсюнь. Придвинув табурет, он с любопытством уселся рядом.

Пусть образованные мужи и не задерживались подолгу в покоях принца Чу, У Чэнсюань оставался хозяином этого приема. Правила приличия не позволяли гостям уйти, не перемолвившись с ним и парой слов. К тому же многих подстегивало простое любопытство, а кто-то и вовсе искал случая снискать милость высокопоставленной особы. Так что к его столу то и дело подходили новые литераторы, чтобы засвидетельствовать свое почтение.

Видя, что принц увлечен игрой с Цзин Юньшу, новоприбывшие не осмеливались прерывать их. Они скромно вставали поодаль, молча наблюдая за ходом партии.

Военные шахматы уступали взъятию в глубине и не требовали постижения запредельных высот философии или военной стратегии, однако они были куда азартнее и понятнее простому человеку. Среди молодых ученых нашлось немало ценителей подобного развлечения, и постепенно вокруг игроков собралась внушительная толпа.

Сыграв три партии, Цзин Юньшу выиграл две из них. С легкой улыбкой он сложил ладони:

— Благодарю за игру.

На самом деле оба играли из рук вон плохо. Один едва освоил правила и даже при желании не стал бы соперничать всерьез с Цзин Юньшу, а второй настолько устал от вечных интриг и раздумий, что в минуты отдыха наотрез отказывался шевелить мозгами, делая ходы исключительно по наитию.

Словом, зрелище вышло поистине душераздирающим.

Среди зрителей собрались юные гении, которые с трех лет декламировали классиков, с пяти заучивали каноны наизусть, а к десяти слагали изящные оды. Нашлись среди них и признанные мастера логических игр, способные по памяти восстановить любую расстановку сил на доске. Наблюдая за неуклюжими действиями игроков, эти умники едва сдерживали стоны досады — им самим безумно хотелось броситься в бой, лишь бы не видеть этот нелепый балаган. Те, кому удалось смолчать до самого конца партии, заслуживали звания истинных мудрецов.

«Благородный муж зрит молча» — гласит пословица. Когда игра завершилась, большинство гостей предпочли тактично умолчать о перипетиях сражения, поскольку выдать из себя хоть каплю похвалы против совести было выше их сил. Лишь пара подлиз попыталась отвесить неуклюжие комплименты. Стоящие рядом литераторы посмотрели на них с искренним изумлением, безмолвно вопрошая: «Почтенный, неужто совесть твоя совсем не чиста, раз ты так нагло лжешь?»

Пока гости развлекали принца беседой, Цзин Юньшу, успевший немного перевести дух, тихонько поднялся с кушетки. Делать здесь больше было нечего, и он решил прогуляться по усадьбе.

Чертежи Сада Су в свое время утверждал он лично, однако в Янчжоу он бывал наездами, да и само поместье отстроили недавно. Цзин Юньшу навещался сюда всего дважды и так и не обошел все владения целиком. К примеру, в просторном павильоне из пяти комнат, названном кабинетом Обнимающих Деревьев — Хэбаочжай, — он не бывал ни разу.

Он не торопясь обошел павильон по внешнему контуру, любясь искусно воссозданными уголками природы: за каждым поворотом открывался новый вид — то изящная бамбуковая рощица, то цветущая слива, то каменистая горка с крошечным водопадом, вечнозеленые сосны или дремлющий под дождем лотосовый пруд. Обойдя кругом, Цзин Юньшу заглянул во внутренний дворик. Этот просторный открытый атриум украшал чистейший водоем, у кромки которого красовалась пышная мэйхуа. В углу мерно и неспешно поскрипывало водяное колесо. Неизвестно, откуда брала начало эта вода и куда уходила, но прозрачный поток бережно уносил с собой опавшие пурпурные лепестки сливы. Казалось, даже воздух здесь был пропитан тонким, едва уловимым ароматом. Картина дышала покоем и утонченным изяществом.

Однако, присмотревшись, он заметил, что среди пурпурных лепестков покачивались и ярко-желтые, странно поблескивающие на свету. Это разбудило в нем любопытство. «Неужели принесло течением сверху?» — подумал Цзин Юньшу. Ведь в самом дворике, кроме одинокой мэйхуа, других деревьев не росло.

У самой воды высился легкий навес для рыбалки. Под ним устроились трое молодых людей — судя по всему, праздная беседа увлекала их куда сильнее, чем клев. Чуть в стороне еще один чужак, выпросив у прислуги соломенный плащ и бамбуковую шляпу-доули, застыл с удочкой под крапывающим дождем. В его силуэте отчетливо угадывался образ поэта, «одинокое уходящее на заснеженной реке».

Цзин Юньшу велел Чжили подождать его в приемной — во внутреннем дворе собрались исключительно мужчины, и девушке находиться там было неловко. Оставшись один, он постоял у окна, замороженный блеском в воде, и уже собирался отыскать боковую дверь, чтобы спуститься к пруду, как вдруг к нему подошел молодой человек с открытым, приятным лицом. Сложив ладони в вежливом приветствии, незнакомец произнес:

— Мое имя Сюэ Цюбай. Приветствую вас.

Имя показалось Цзин Юньшу смутно знакомым. Мгновение спустя он вспомнил: ну конечно! Это же старший сын покойного господина Сюэ, некогда помолвленный с одной из барышень семейства Юнь.

Судьба сама свела их вместе. Что ж, тем лучше: юноша не подозревал, кто перед ним, а значит, вел себя естественно, позволяя Цзин Юньшу спокойно оценить его характер.

Приняв решение, Цзин Юньшу сохранил на лице маску мягкого, ровного дружелюбия. Он поспешно склонился в ответном поклоне:

— Чрезвычайно рад... — но не успел договорить, как его забил сухой, прерывистый кашель.

Сюэ Цюбай забеспокоился, огляделся по сторонам и, заметив на столике чайник, быстро налил теплую воду в пиалу и протянул ее собеседнику.

Наблюдая за его суетой, Цзин Юньшу отметил про себя, что для первого встречного этот молодой человек проявил завидную заботу и мягкосердечие. Сделав глоток и переведя дыхание, он поблагодарил его:

— Сердечно благодарен вам, молодой господин Сюэ. — Поставив пиалу, он кивнул в сторону атриума. — Я как раз собирался спуститься к воде. Не желаете составить компанию?

Сюэ Цюбай на миг замялся, словно вспомнив о чем-то, а затем спросил:

— Я проходил мимо и заметил, как пристально вы вглядываетесь во внутренний двор. Вас тоже озадачили эти странные золотые блики на воде?

— О чем вы? — полюбопытствовал Цзин Юньшу.

— Вам ведь наверняка доводилось слышать о втором сыне семейства Шэнь — Шэнь Шуюе? Или о Ван Вэньсюане, четвертом сыне великого главнокомандующего?

Второй отпрыск богатого солеторговца Шэнь Хая и ленивый бездельник, приходящийся четвертым сыном великому главнокомандующему Янчжоу Ван Хунмину. Цзин Юньшу совсем недавно изучал тайные записи Мао Юна, а потому отлично помнил эти имена.

— Да, мне известны эти господа, — кивнул он.

Сюэ Цюбай устремил взор на покрытую рябью гладь за окном.

— Некоторое время назад Шэнь Эрлан и четвертый господин Ван заспорили о том, откуда в этот пруд прибывает вода и куда она уходит. Ни один не желал уступать. Тогда Шэнь Эрлан велел бросить в воду лепестки сливы, покрытые сусальным золотом. Мол, так движение течения станет очевидным.

«А молодые господа знают толк в развлечениях», — мысленно усмехнулся Цзин Юньшу.

— Благородному мужу не пристало судачить за чужой спиной, и я рассказываю это вовсе не из зависти к чужому богатству, — продолжил Сюэ Цюбай. — Просто они все еще там. Буквально только что один из гостей попытался подойти поближе, но его подняли на смех и выставили вон. Шэнь Эрлану не нравится, когда посторонние лезут в их компанию. Я поспешил предупредить вас, чтобы вы ненароком не нажили неприятностей.

— Вот оно как, — отозвался Цзин Юньшу. — Что ж, премного благодарен вам за

предостережение.

— Пустяки, не стоит и упоминания, — отмахнулся тот.

— И все же, кто из них кто? — поинтересовался Цзин Юньшу, вглядываясь вглубь двора.

— Тот, что облачился в рыбацкий плащ, — Ван Вэньсюань. А господин, развалившийся на кушетке неподалеку, — Шэнь Эрлан.

Цзин Юньшу вежливо наклонил голову:

— Еще раз благодарю за подсказку.

Сюэ Цюбай мягко придержал его за локоть:

— Оставьте церемонии. Эти двое с детства привыкли к безнаказанности и славятся своим скверным норовом, так что держитесь от них подальше.

В глазах Цзин Юньшу промелькнула лукавая искра.

— Вы так откровенны со мной, молодой господин Сюэ. Не боитесь, что я передам им ваши слова?

Тот открыто рассмеялся:

— Я родился и вырос в Янчжоу, и мне знаком едва ли не каждый благородный юноша в городе. Вы же здесь лицо новое, очевидно, недавно прибыли. К тому же по вашей манере держаться сразу видно, что водить дружбу с подобными господами вы бы не стали.

«А малый не так прост, как кажется», — отметил про себя Цзин Юньшу. Вновь переведя взгляд на раскинувшийся за стеклом пейзаж, он негромко произнес:

— Пожалуй, я подожду, пока они уйдут. Уж очень хочется взглянуть, как золотые хлопья кружатся в чистом ручье. Никогда прежде не видел ничего подобного.

Сюэ Цюбай нахмурился, в голосе прозвучала горечь:

— «У врат богатых пища загнивает, на улицах же бедняки от стужи гибнут»... Неужели и вам по душе эта праздная роскошь?

— Что для одного — повод для презрения, для другого — предел мечтаний, — Цзин Юньшу спрятал руки в широкие рукава, задумчиво потирая рельефные ушки нефритовой грелки. Лицо его оставалось бесстрастным. — Если человеку не дано талантов, его удел — честно исполнять свой долг. Обладаешь малым даром — послужи на пользу родным краям. Награжден великим умом — веди войска в бой или верши государственные дела, умирняя Поднебесную. А изящные вирши... в них может быть уйма смысла, а может не быть вовсе. Все зависит от того, чьи уста их изрекают.

Сюэ Цюбай удивился, явно не соглашаясь с такой позицией:

— Из ваших слов выходит, что обделенный талантом человек лишен даже права высказать свое мнение?

— Будь ты одинок как перст, ты мог бы безбоязненно судить о чем угодно, — веско возразил Цзин Юньшу. — Но если за твоей спиной стоят престарелая мать, супруга и дети, твои дерзкие речи лишь навлекут на них беду. А это — величайший грех. Перед матерью это непочтительность, перед женой — жестокосердие, перед государством — предательство.

Сюэ Цюбай упрямо подался вперед, явно готовый спорить до хрипоты:

— Но почему же перед государством это предательство?

— Достойный муж всегда найдет способ послужить отчизне. Стань хлебопашцем: возделай надел земли, и твоя семья забудет о голоде; расширишь пашню — спасешь от нужды и соседей. Стань ремесленником: построй дом, чтобы уберечь близких от зимней стужи; возведи десяток жилищ — и подаришь приют неимущим книжникам. Иди в солдаты, дабы защищать рубежи, или сделайся учителем, наставляя юношей на путь истинный. Если ты искренне печешься о благе народа, любое дело станет твоим служением. Но когда человек, страшась лишений и не желая поступиться гордостью, лишь сокрушается о закрытых дорогах да слагает едкие пасквили, жажда омыть свое имя славой мученика на плахе... какая польза мертвецу от его «чистого имени», и что с того простому люду?

Сюэ Цюбай надолго задумался, осмысливая услышанное, а затем почтительно склонился:

— Благодарю за мудрый совет.

— Великолепно! Поразительно сказано! — раздался неподалеку восторженный голос, сопровождаемый неторопливыми хлопками.

Цзин Юньшу мысленно досадовал на собственную неосторожность. Юный Сюэ Цюбай показался ему неглупым и славным малым, но излишне пылким — из тех упрямец, что из-за юношеского максимализма способны погубить и себя, и весь свой род. Желая уберечь его от неверного шага, Цзин Юньшу заговорил слишком увлеченно и не заметил, как за ними начали подслушивать.

Подошедший держал в руках бумажный свиток и кисть. Аккуратно пристроив их на край стола, он вежливо поклонился:

— Позвольте представиться. Бай Цянь, близкий друг брата Сюэ.

— Мое имя Юньшу, — отозвался Цзин Юньшу.

Сюэ Цюбай изумился:

— Юньшу? Уж не из того ли вы семейства Юнь, что проживает в квартале Аньпин?

— Все верно, — мягко подтвердил Цзин Юньшу. — Из-за слабого здоровья я вынужден подолгу жить вдали от города, восстанавливая силы, и дома бываю крайне редко. Неудивительно, что молодой господин Сюэ никогда обо мне не слышал.

Это объяснение вполне устроило Сюэ Цюбая. Он задумчиво кивнул, погрузившись в собственные мысли.

Не желая мешать его раздумьям, Цзин Юньшу вновь бросил взгляд на атриум:

— Похоже, там наконец никого не осталось. Спустимся?

— С удовольствием присоединюсь, — тут же откликнулся Бай Цянь. Сюэ Цюбай тоже не стал возражать.

Молодые люди взяли стоявшие у входа зонты и шагнули под открытое небо. Цзин Юньшу затаил дыхание. Мелкая дождевая взвесь, пропитанная тонким ароматом цветущей сливы, мгновенно окутала его прохладой. На мгновение ему показалось, будто он вернулся в свой заброшенный дворик в далеком Юньане... Вот только на севере воздух никогда не бывал столь влажным и тягучим.

Раскрывая зонт, Цзин Юньшу подошел к самой кромке водоема. Поток лениво увлекал за собой блестящие чешуйки. Заинтересовавшись тонкой работой безвестных мастеров, он присел на корточки, собираясь выловить одну из золотых пластинок.

Но не успел он коснуться ледяной воды, как из-за спины донесся язвительный, полный презрения голос:

— «От стужи изнывая, по золоту тоскует...» Надо же, не думал, что среди благородных мужей найдутся столь нищие пройдохи, готовые собирать чужие объедки из грязи!

<http://bllate.org/book/18296/1779282>